

ЭО, 2010 г., № 2

© М.М. Герасимова

ЕЩЕ РАЗ О ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДКАХ В КОСТЕНКАХ

Ключевые слова: верхний палеолит, погребальная обрядность, археологические культуры, кра­ниология, остеология, одонтология, постнатальное развитие, палеосоматология, расогенез

Настоящая статья посвящена описанию палеоантропологических находок из Костенок, открытых более чем полвека тому назад, изученных, казалось бы, вдоль и поперек и за прошедшие годы прочно вошедших в научный обиход, не раз побывавших объектом и сводных публикаций, и дополнительных исследований (*Дебец* 1955, 1961; *Якимов* 1957; *Герасимов* 1964; *Алексеев* 1978).

Почему мы снова обращаемся к ним? Во-первых, актуальность появления научных “ремейков” находит объяснение не только в развитии и обновлении методов и областей исследования, но и в проблематизации новых контекстов и решении старых проблем новыми методами (*Халдеева* 2006). В области палеоантропологического изучения старых находок примерами таких ремейков могут служить: прекрасная новая публикация Сунгирских материалов (*Homo sungirensis* 2000), публикации мезолитических материалов из Прионежья (*Герасимова и др.* 2005), Крыма (*Васильев и др.* 2006), подробное изучение одонтологии неандертальца из Тешик-Таша (*Халдеева* 2009).

Во-вторых, потому что нет до сих пор монографического издания, посвященного этим уникальным палеоантропологическим находкам верхнего палеолита, не менее значимым, чем знаменитые находки в Сунгире, а результаты последующих обращений антропологов к костенковским находкам опубликованы в специальных или малотиражных изданиях (*Герасимова* 1982: 245–253, 1997: 138–144, 2006а: 13–23, 2006б: 24–30). Попробую изложить в самой краткой форме итоги изучения костенковских материалов в парадигме теоретических задач палеоантропологии того времени, охарактеризовать их с учетом новых данных и обрисовать проблемы и перспективы изучения их спустя полвека.

Прежде всего, несколько слов о Костенках. Местонахождение Костенки в Костенковско-Боршевском районе на Среднем Дону представляет собой уникальный по концентрации стоянок верхнего палеолита комплекс, включающий памятники ранней, средней и поздней поры верхнего палеолита и имеющий особое значение в формировании представлений об истории верхнепалеолитического общества не только этого региона, но и Восточно-Европейской равнины в целом. Здесь к концу прошлого столетия было открыто и в различной степени исследовано около 60 разновременных и разнокультурных поселений (Палеолит... 1982).

В 50-е годы XX в. А.Н. Рогачевым впервые на материалах Костенок была предложена иная, отличающаяся от устоявшихся стройных схем французского палеолитоведения, картина развития верхнепалеолитических культур на Русской равнине. Им была высказана мысль, что история развития верхнепалеолитических культур Восточной и Западной Европы протекала независимо (*Рогачев* 1957: 9–134). В то время особенностью культур верхнего палеолита Русской равнины являлось отсутствие следов его ранней поры, которая была бы синхронна селету Средней Европы, ежмановской культуре Польши, шательперрону Франции, и к 70-м годам прошлого века представлялось, что верхнепалеолитические стоянки в Костенках не древнее брянского времени (*Величко* 1973). За прошедшие годы на Русской равнине, в бассейнах Десны, Днепра

Маргарита Михайловна Герасимова – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Кабинетом-музеем им. академика В.П. Алексеева.

и в самих Костенках были открыты новые памятники, в том числе шесть культурных слоев, древнее 32-х тыс. лет назад. Их относительный возраст сопоставим с возрастом древнейших памятников верхнего палеолита в Европе. Сегодня разработка проблемы становления верхнего палеолита Русской равнины представляется наиболее перспективной именно на основе региональной костенковской модели (Костенки... 2004; Дудин 2005: 50).

Многочисленность стоянок в Костенковском районе и их многослойность создают впечатление о сравнительно большой плотности населения в это время на Среднем Дону. Однако это количество памятников ничтожно мало по сравнению с огромной протяженностью их во времени. Приуроченность стоянок к довольно ограниченной территории приводит к мысли о некоем единообразии хозяйственной жизни различных верхнепалеолитических общин, которая определяла целенаправленный выбор места поселения на краю широкой поймы при наличии сильно изрезанных береговых возвышенностей, удобных для охоты на мамонтов, лошадей и других стадных животных (Величко, Зеликсон 2006: 9–25; Величко и др. 2008: 9–31). Многослойность стоянок говорит о том, что различные человеческие коллективы отдавали предпочтение таким местонахождениям и неоднократно, в течение многих тысячелетий, поселялись на одних и тех же участках. Вероятнее всего, реальной общественной единицей, по аналогии с охотничьими народами, была небольшая локально-родовая группа.

В пятидесятые годы прошлого столетия в течение трех полевых сезонов в Костенках были открыты четыре верхнепалеолитических погребения. Основные палеоантропологические находки были сделаны тогда же. Три находки из них были изучены Г.Ф. Дебецем (Дебец 1955: 43–55, 1961), одна – В.П. Якимовым (Якимов 1957: 515–529). Спустя тридцать лет была сделана еще одна находка (Герасимова 1997: 138–144). Чтобы значимость этих находок была ясна читателю, не занимающемуся специально палеоантропологией верхнего палеолита, скажу, что эти находки, не считая находок из погребений на стоянке Сунгирь, открытых в 1964 и 1968 годах, – единственный источник, позволяющий составить представление о физическом облике верхнепалеолитического населения Восточной Европы.

О населении Среднего Дона, таким образом, можно судить по находкам из пяти погребений (молодого мужчины из Костенок-14, пожилого мужчины из Костенок-2, двух детей из Костенок-15 и 18 и новорожденного из Костенок-12), связанных с культурными слоями различного возраста и генезиса. Как ни странно, но ни в итоговом издании 1982 г., посвященном столетию полевых исследований в Костенках (Палеолит... 1982), ни в издании по поводу 125-летия работ (Костенки... 2004) нет отдельного очерка, посвященного анализу палеолитических погребений. Единственное, что отмечали в своем заключении редакторы издания 1982 г. А.Н. Рогачев и Н.Д. Праслов, это факт нахождения всех погребений на территории поселений. Между тем, как будет видно ниже, Костенки дали богатейший материал, свидетельствующий об огромной вариативности погребальной обрядовости в верхнем палеолите Дона.

Первое погребение было обнаружено в 1952 г. на стоянке Костенки-15 (Рогачев 1955: 29–39; Рогачев, Синицин 1982а: 156–160). Оно было совершено внутри жилища, в широкой овальной яме, вырытой в его полу. Размер могильной ямы – 1,24 × 0,8 м, глубина от основания культурного слоя – 0,43 м. Могила была вытянута с севера на юг, на дне ее был обнаружен крупный фрагмент лопатки мамонта, перекрывающий бедренные и берцовые кости погребенного. У восточного края могилы было обнаружено скопление желтой глины, под которой на уровне дна могилы находилась мощная прослойка красной охры. Расположение костей погребенного, конструктивных элементов и инвентаря позволило восстановить погребальный обряд, который не утратил своей уникальности для палеолитического времени, даже несмотря на последующие находки в Сунгире на Клязьме (Сунгирь 1984).

Умерший, ребенок 6–7 лет, был погребен в сидячем положении на искусственно сооруженном сиденье из желтой глины. Могила имела костно-земляное перекрытие.

Погребальный инвентарь включал более 70 расщепленных кремней, 63 из которых залегали единым скоплением, видимо, находились в мешочке. Крупный костяной кинжал из стенки трубчатой кости мамонта с широким плоским лезвием и рукояткой с плечиками лежал за спиной ребенка на желтой глине. Слева от ребенка находились костяное ложило и иголка с отломанным ушком. На голове ребенка был убор, украшенный просверленными зубами песка, числом более 150 экземпляров (*Рогачев, Ситицин* 1982а: 163).

Для кремневого инвентаря стоянки характерно сочетание хорошо выраженных устойчивых форм орудий (*pièces esquillées*) со скреблами и остроконечниками, использование, главным образом, мелового и цветного кремня. Костяной инвентарь разнообразен и выразителен. Он представлен ложилообразными орудиями, веслообразными лопаточками с гвоздеобразным навершием, иглами с ушком. Фауна представлена костями лошади, зайца, тура или бизона, песка, мамонта, волка, бобра, благородного оленя, степной пищухи (*Верещагин, Кузьмина* 1977: 107). Характерные черты кремневого и костяного инвентаря Костенок-15 (Городцовская стоянка) послужили основанием для выделения городцовской археологической культуры.

Череп ребенка был исследован В.П. Якимовым (*Якимов* 1957: 515–529). Возраст погребенного был определен, исходя из сроков прорезывания зубов. Череп очень плохой сохранности. Он был реставрирован, поскольку фрагменты свода имеют всюду хорошие стыки, а постановка альвеолярного отдела верхней челюсти контролировалась нижней челюстью. Мозговая коробка длинная, узкая и высокая. Однако ни высота лица, ни ширина его, ни высота носа, ширина и высота орбит не могут быть точно измерены. Данные, фигурирующие в работе В.П. Якимова, гипотетичны и практически представляют собой измерения реконструкции черепа. Из лицевых размеров наиболее достоверным представляется ширина носа, довольно значительная для черепа этого возраста. Тем не менее В.П. Якимов обнаруживал известное сходство метрических данных и контуров мозгового отдела черепа Костенки-15 с черепом Пшедмост II приблизительно того же возраста из Моравии.

Второе погребение Костенки-2 было раскопано и исследовано П.И. Борисковским в 1953 г. на стоянке Замятнина (*Борисковский* 1955: 14; *Борисковский, Дмитриева* 1982: 67–71). В специальной камере из костей мамонта, примыкающей к юго-восточной стороне остатков наземного жилища, сделанного из костей и бивней мамонта, были обнаружены кости человека: кости ног, плохо сохранившийся таз, ребра и позвонки. Камера представляла собой овал, имевший по внешней границе размеры 4,00 × 1,50 м, а по внутренней – 2,20 × 0,55 м. Обломки черепа, нижняя челюсть, шейный позвонок, обломок ключицы, плечевая кость и две фаланги пальцев руки находились вне камеры, в 1,5 м к северо-западу. Судя по костям, сохранившим первоначальное положение, автор раскопок предполагал, что умерший был погребен сидя, с резко согнутыми и прижатыми к животу и груди ногами. Ступни были подвернуты под таз. Возможно, умерший был связан. При разрушении верха погребальной камеры череп и кости верхней части торса вывалились за ее пределы и были растащены и повреждены животными.

Погребение не сопровождалось ни инвентарем, ни краской. В качестве сырья на стоянке использовался черный меловой и цветной валунный кремль. Техника расщепления пластинчатая. Среди орудий преобладают долотовидные *pièces esquillées*, различные резцы, скребки и острия. Костяной инвентарь незначителен: шилья, обломки наконечников копий и дротиков. Характер инвентаря позволил отнести культурные слои стоянки к костенковско-городцовской культуре. Фауна представлена костями мамонта (более 28 особей), лошади, северного оленя, пещерного льва, волка, бурого медведя и т.д.

Череп очень плохо сохранился. Предварительное описание было дано Г.Ф. Дебецем (*Дебец* 1955: 43–55). Погребение принадлежало мужчине 50-ти лет. Согласившись с адекватностью реставрации, выполненной М.М. Герасимовым (*Герасимов*

1964: 152–153), Г.Ф. Дебец отмечает дисгармоническое сочетание черепного и лицевого указателей (длинный череп и широкое лицо), что считается характерным для кроманьонского типа в понимании французских антропологов, чему, впрочем, противоречат такие характеристики, как очень низкое и гиперортогнатное лицо. Длинные кости были практически не изучены и до сих пор находятся в монолите.

Третье погребение было обнаружено в том же (1953) году А.Н. Рогачевым на склоне широкого лога в могильной яме, вырытой в коренном сеноманском песке на глубине 1 м от поверхности. В то время здесь не прослеживались признаки палеолитической стоянки, и только спустя несколько лет было обнаружено наличие культурного слоя, весьма нарушенного позднейшими ямами. Стоянка получила название Костенок-18 (Рогачев 1955: 29–39; Рогачев, Беляева 1982: 186–189). Погребение также было повреждено современными строительными работами, в результате которых нижние части бедренных и плечевых костей были отрублены. Удалось установить, что погребение принадлежало ребенку, который лежал в чуть скорченном положении на левом боку, головой на юго-запад, лицом на запад. Судя по сохранившимся фрагментам костей, руки ребенка были согнуты в локтях, и их кисти лежали перед лицом.

Никаких следов инвентаря или краски в погребении не было. Скелет был перекрыт тремя ярусами крупных костей мамонта. В верхнем ярусе – трубчатые кости, уложенные поперек ямы параллельно друг другу. Второй ярус составляли трубчатые кости, уложенные вдоль могилы. Третий нижний ярус – две лопатки мамонта, перекрывающие череп и грудь погребенного, и две больших берцовых под углом к костям второго яруса.

Детский череп из Костенок-18 был очень плохой сохранности. После тщательной реставрации, проведенной Т.С. Сурниной, череп первоначально также был изучен Г.Ф. Дебецем (Дебец 1961). Возраст ребенка был определен в пределах 9–11 лет. На черепе Г.Ф. Дебецем была обнаружена аномалия, как он полагал, в развитии зубной системы. Позднейшее знакомство с находкой показало, что это не аномалия, а вкрапшаяся ошибка в реставрацию зубного ряда (Герасимова 1982: 248).

Точность измерений была не высока, в разных признаках она составляла ± 4 мм. Детский череп характеризуется длинной и широкой, низкой мозговой коробкой с не резко выраженной долихокранией. Сохранность лицевого скелета настолько плоха, что не было никаких оснований для реконструкции постановки лица и измерений его высоты, высоты и ширины носа, высоты орбит. Признавая большую долю условности, Г.Ф. Дебец, тем не менее, приводит цифровые данные, которые впоследствии послужили основанием для получения дефинитивных величин признаков (Алексеев 1978).

Могу добавить к характеристике черепа, основываясь на своем анализе, что он обладает рядом архаических особенностей. При значительной выраженности рельефа, особенно выйного, сосцевидный отросток небольшой; обращает на себя внимание и очень широкое межорбитное расстояние, большая ширина и фронтальная развернутость сохранившейся части лобного отростка верхнечелюстной кости, широкий корень носа, значительная толщина тела нижней челюсти в области питательного отверстия (Герасимова 1982: 248).

Четвертое погребение было обнаружено на стоянке Маркина Гора (Костенки-14) А.Н. Рогачевым в 1954 г. (Рогачев 1955: 29–38; Рогачев, Симицин 1982б: 156–160). С точки зрения геологии, Маркина Гора представляет собой типичный для этого региона многослойный памятник. Могильная яма находится непосредственно под третьим культурным слоем, залегающим в самом основании верхней погребенной гумусовой толщи, насыщенным осколками костей лошади, черного мелового кремня и большим количеством расщепленного песчаника. Третий культурный слой, перекрывающий заполнение могилы, представлял собой линзы черного гумуса, насыщенные обильными следами обитания людей.

Погребение было совершено в неглубокой узкой овальной яме с почти вертикальными стенками и корытообразным дном. Форма и глубина ямы прослеживались по границам темнокрасной охры, которой было засыпано дно могилы. Размер могилы – $0,99 \times 0,39$ м, глубина в восточном конце – $0,31$ м, в западном – $0,48$ м. Вскрытие и расчистка погребения были произведены М.М. Герасимовым (*Герасимов* 1964: 122–124), что позволило ему подробно описать позу погребенного. Скелет мужчины лежал на дне могилы, на левом боку в сильно скорченном положении, с коленями, подтянутыми к груди. Руки также были согнуты в локтях и притянуты к груди, причем находились между костями грудной клетки и костями ног. Кисти рук были сжаты в кулаки, правая кисть была у подбородка, а левая – под черепом. Кости стоп сохранили анатомическое положение, пяточные кости плотно прилегали к тазу. Поскольку ширина скелета от колен до позвоночника составляла всего 28 см, можно предполагать, что умерший был погребен в связанном положении. Кости скелета и особенно череп были густо окрашены темнокрасной охрой.

Никаких вещей в могиле не было. Для выяснения датировки и культурной принадлежности погребения существенным является выяснение его связи с третьим культурным слоем. Автор раскопок А.Н. Рогачев отвергал как предположение о совершении погребения до отложения третьего культурного слоя, так и синхронность его со вторым культурным слоем и считал возможным отнести его к ранней поре верхнепалеолитического времени (*Рогачев* 1955: 35). Как показало будущее, он был абсолютно прав, поскольку радиоуглеродный возраст для второго слоя Костенок-14 – в диапазоне 25 – 28 тыс. лет назад, а для третьего – 30 – 32 тыс. лет назад (*Синицин и др.* 2004: 42–43).

Что касается самих костных останков, то прежде всего следует отметить исключительно хорошую сохранность костей, вплоть до ногтевых фаланг. Череп и длинные кости были изучены Г.Ф. Дебецем. “Несмотря на раннюю дату, – писал Г.Ф. Дебеч – неандерталоидных признаков почти нет” (*Дебеч* 1955: 43–55). Лицо очень низкое, ширина его небольшая, однако превышает аналогичный показатель мозговой коробки. Клыковые ямки выражены умеренно, но вполне явственно. Подбородок имеется, тем не менее выступает слабо. Надбровные дуги сильно развиты, лоб узкий и прямой. Мозговая коробка невысокая, затылок округлый, передний край затылочного отверстия лежит выше заднего. Длина основания черепа небольшая.

Остальные части скелета тоже не несут неандерталоидных признаков за исключением очень сильного наклона суставной поверхности большеберцовой кости. Пропорции конечностей вполне современные. По всем значениям указателей, характеризующих линейные пропорции, скелет из Костенок-14 не выходит за пределы вариаций европейского человека. Датировка погребения ранней порой верхнего палеолита объясняет, почему автор первого исследования акцентировал отсутствие неандерталоидных признаков на черепе, однако отмечал некоторые архаичные признаки в строении конечностей.

Определение видовой принадлежности не вызывало сомнений – это *Homo sapiens fossilis*, однако череп удивлял своим необычным для данного региона сочетанием черт, которое позволило назвать его “негроидным” или “папуасообразным”. Это сочетание прогнатизма, широкого носа и низкого переносья с сильно выступающими носовыми костями. Череп называют негроидным или папуасообразным, что конечно не означает его происхождения из современных областей обитания названных типов. Из-за прогнатизма череп Костенки-14 сближают с “гримальдийским” комплексом черт, хотя негроиды Гримальди отличаются от черепа из Костенок-14 строением костного носа. По поводу реальности существования гримальдийского антропологического типа в свое время высказывались сомнения, вызванные плохой сохранностью костяков из Гримальди и неточностью реставрации (*Ви́чек* 1961). Прекрасная сохранность черепа Костенки 14 устраняет сомнение в существовании широконосового прогнатного варианта на территории Европы и, в частности, на территории Русской равнины.

Теоретические задачи палеоантропологии в то время сводились, главным образом, к определению таксономического положения находки, к реконструкции генезиса отдельных ископаемых форм, изучению расогенеза и проблем этногенеза в контексте исторических знаний. Именно в этом разрезе и было осуществлено изучение описанных выше находок, причем основное внимание уделялось краниологии. Реальность существования отдельных морфологических вариантов среди европейского верхнепалеолитического населения, их классификация, генезис, роль этих вариантов в расогенезе – этим вопросам посвящена обширная литература, краткий обзор которой далеко выходит за рамки настоящей статьи. Следует отметить, однако, что в костенковских находках отразилась вся сложность и многогранность проблем дифференциации и генетических взаимоотношений различных территориальных, культурных и хронологических вариантов верхнепалеолитического человечества.

Поскольку две из четырех особей были детского возраста, перед исследователями вставала задача определения таксономического статуса находок детских форм на стоянках Костенки-15 и 18. Она была решена при помощи условного приема пересчета размеров детских черепов на дефинитивные размеры, т.е. те, которые эти черепа должны были бы иметь по окончании роста. Этот способ был наиболее распространенным в то время. В основе его лежало представление, что постнатальный онтогенез является лишь количественным изменением тех особенностей, которые сложились к моменту рождения.

В настоящее время показано, что постнатальные изменения не сводятся только к возрастианию или убыванию степени дивергенции признаков (*Харитонов* 1985, 1995; *Данилова* 1986: 52–56). К тому же, перерасчету детских размеров на окончательные “взрослые” предшествует определение пола и возраста находки, задача, которая в данном случае является основной. В палеоантропологической практике биологический возраст неполовозрелых особей определяется достаточно точно, с ошибкой от 1 года до 2 лет. С другой стороны, огромное количество наблюдений над сроками прорезывания молочных и постоянных зубов у современного населения свидетельствует, что сроки эти варьируют у представителей различных этно-территориальных групп, а также по половому признаку (*Данилкович* 1973, 1978). Возможно, что эта вариабельность еще более отчетливо проявлялась при прорезывании зубов у различных групп верхнепалеолитического населения.

Определение пола применительно к детскому возрасту в рамках анатомического подхода вообще не очень надежно. Да и степень сохранности детских черепов из Костенки-15 и 18 очень плохая, и большинство размеров гипотетично. Тем не менее, несмотря на все издержки метода, пересчет, выполненный для этих черепов, дал высоколицую и низколицую формы, резко долихокранную и мезокранную, высокоголовую и низкоголовую, т.е. если не в метрическом точном выражении, то “визуально” по строению мозговой коробки мы видим здесь два различных варианта. Трактовались же эти варианты различно.

Г.Ф. Дебеч считал, что черепа из Костенок относятся к трем расам – собственно кроманьонской (Костенки-2 и 18), брно-пшедмостской (Костенки-15) и гримальдийской (Костенки-14), и что эти находки отражают участие в формировании верхнепалеолитического населения Русской равнины древних форм современных рас. Памятники Среднего Дона принадлежат племенам разного происхождения. Особенности строения двух взрослых черепов Костенки-2 и 14 ставят нас перед сложной задачей генетических взаимоотношений между гримальдийским и кроманьонским антропологическими типами. Заслуживает внимания тот факт, что в Костенках обнаруживается та же последовательность, что и в Ментонских гротах, где “гримальдийские негроиды” предшествуют “кроманьонцам” (*Дебеч* 1955).

В.П. Якимов, изучивший череп из Костенок-15, находит ближайшие аналогии с черепами из Пшедмоста, объединяя моравские черепа с Костенками-15 в группу “вос-

точных кроманьонцев”. Поскольку среди моравских черепов отмечается присутствие некоторых признаков “негроидности”, сюда же он относит череп из Костенок-14, который он считает крайним вариантом этого полиморфного типа (Якимов 1957: 515, 529).

Большинство исследователей той поры видели в верхнепалеолитических морфологических вариантах палеорасы, трактуя их как исходные формы для позднейших, современных рас. Однако морфологическое содержание таких определений, как “кроманьонская”, “брно-пшедомская”, “гримальдийская”, “восточно-кроманьонская” и так далее раса, остается не совсем ясным из-за различного подхода к выбору и оценке разграничительных признаков (Бунак, Герасимова 1984: 65–74)

Совершенно других взглядов придерживался В.В. Бунак. Череп Костенки-14, как и черепа “негроидов” Гримальди, особенно женский череп, он считал резко уклоняющимися формами. Хотя мозговой череп Костенки-14 по контурам его и размерам не выходит за границы изменчивости у верхнепалеолитических гоминид Европы, угол носа и угол альвеолярного прогнатизма у него не находятся в соответствии друг с другом и другими особенностями строения лица и лежат за пределами нормальной изменчивости верхнепалеолитических европейских форм (Бунак 1980). Он считал, что такие “негармоничные” формы возникают обычно в процессе формирования типа, и лишь на последующих этапах развития консолидируются варианты (расы), имеющие согласованное строение отдельных элементов. Их формирование может быть поставлено в связь с увеличением численного состава отдельных групп населения и усилением контактов между ними в более позднее, возможно, неолитическое время.

Таковы итоги исследований полувековой давности. Что было сделано в последующее время? Не так уж и много. Следует сказать, что до конца столетия, за прошедшие с момента находок годы, концептуальный подход к изучению краниологии палеоантропологических находок верхнего палеолита мало изменился. Поскольку накопление новых данных почти не происходило (известный скачок в этом плане связан лишь с сунгирскими находками), ход палеоантропологических краниологических исследований шел в направлении решения двух проблем: выбора признаков для сравнения и поиска способов оценки сходства или различия в этих признаках (Васильев 1997, 1998; Пестряков 1991; 1997; Дерябин 1998).

Привлечение к анализу древних форм краниотригонометрических показателей, программа которых разработана С.В. Васильевым, представляется весьма перспективным, особенно при разграничении эректоидных и неандерталоидных форм. Для верхнепалеолитического населения Европы эти возможности, мне кажется, более ограничены, так как оно принадлежит к одному виду *Homo sapiens*. Специального отдельного анализа краниометрических характеристик находок из Костенок проведено не было.

Генерализованные параметры мозговой коробки, предложенные А.П. Пестряковым, выделили в группе верхнепалеолитических неантропов череп из Костенок-14, отличающийся исключительно малыми размерами, величина которых вписывается в средние величины самых малоголовых современных краниологических серий, таких как андаманцы или некоторые папуасские серии. Объем же мозговой капсулы настолько мал, что он отличается от среднегрупповой величины верхнепалеолитических европейских форм более, чем на четыре сигмы, что говорит об инородности данной находки (Пестряков 1997: 98).

Хочу заметить, что методы мультивариационной статистики, хорошо зарекомендовавшие себя в палеоантропологических исследованиях популяций более поздних периодов (представленных более или менее многочисленным серийным материалом), иногда, при оценке сходства или различия отдельных верхнепалеолитических форм, дают неадекватные результаты, в значительной степени зависящие от подхода к выбору и оценки разграничительных признаков, в известной мере определяемых степенью сохранности сравниваемых форм.

Так, по данным многомерного анализа череп Костенки-14 оказывается рядом с черепом Сунгирь-1 и вблизи находок из Грота Детей и Кроманьон (*Homo sunguirenensis*... 2000: 184). Между тем, метрические характеристики и визуальный анализ свидетельствуют об отсутствии сходства между этими формами, поскольку Костенки-14, наряду с вышеописанными особенностями (прогнатизмом в сочетании с большим углом выступления носа, близким к групповому максимуму), отличается минимальными величинами диаметров мозговой коробки и самым низким и узким лицом в ряду европейских неолитов.

Последние десятилетия XX в. характеризуются повышенным интересом к изучению остеологического полиморфизма и возникновением нового направления, которое можно обозначить как палеосоматологию (*Хрисанфова* 1980; 1984). Были изучены посткраниальные скелеты погребенных в Костенках: скелет новорожденного из погребения на стоянке Костенки-12 и скелет “негроида” из Костенок-14. Этот аспект исследований и изучение конституции и морфо-функционального статуса отдельных находок, представленный в работах Е.Н. Хрисанфовой, – исключительно важная составляющая в реконструкции палеоэкологических ситуаций древности. Методологической базой такого подхода в палеоантропологии является представление о тонкой сбалансированности человеческих популяций со средой своего обитания, основанное на исследованиях современных популяций в различных экологических нишах их обитания и концепции адаптивных типов (*Алексеева* 1977, 1984, 1998).

Из погребения на стоянке Костенки-12, открытого М.В. Аниковичем в 1983 г., сохранился только посткраниальный скелет новорожденного. Костяк был взят монолитом и расчищен в лабораторных условиях. Детский костяк лежал на спине в вытянутом положении, слегка завалившись на правый бок. Ни следов ямы, ни краски, ни инвентаря не было. Сам факт сохранности костяка является, по мнению М.В. Аниковича, доказательством намеренности захоронения. Новорожденный из Костенок-12 отличался от современных новорожденных большей длиной ключиц, несколько меньшими соотношениями бедра и голени и значительно более высоким значением локте-плечевого указателя. Т.е. он был более широкоплечим, характеризовался укорочением голени и удлинением предплечья (*Герасимова* 1997: 138–144). Период новорожденности, продолжающийся около 10 дней, характеризуется состоянием неустойчивого равновесия основных функций организма, который должен приспособиться к новым условиям существования. Казалось бы, что этот незначительный отрезок времени ограничивает информативную ценность материала. Между тем, накопление таких данных может дать ответ на один из важнейших вопросов: является ли постнатальный онтогенез лишь количественным изменением тех особенностей, что сложились к моменту рождения?

Гораздо больший в этом плане для нас интерес представляет скелет из погребения в Костенках-14, отличающийся исключительной полнотой сохранности. Длинные кости скелета и смонтированный таз были в свое время измерены, и метрические характеристики опубликованы Г.Ф. Дебецем (*Дебец* 1955: 45–55). Остальные кости скелета были измерены и кратко опубликованы в достаточно специальном издании и более подробно – в малотиражном издании (*Герасимова* 1982: 253–254; 2006а: 24–30). Под влиянием работ Е.Н. Хрисанфовой по палеосоматологии, в этих публикациях основное внимание было уделено реконструкции габитуса человека из Костенок-14 и возможностям интерпретации реконструированного физического облика в аспекте морфологической адаптации.

По всем значениям указателей, характеризующих линейные пропорции, скелет из Костенок-14 не выходит за пределы вариаций европейского человека. На основании высчитанных характеристик, таких как условный показатель объема скелета, вес, рост, весо-ростовой индекс Рорера, поверхность тела и отношение веса к поверхности, был охарактеризован конституциональный габитус человека из Костенок-14, от-

личающийся малым весом, низкорослостью, грацильностью, малой плотностью тела. Экстраполируя данные о габитусе человека, погребенного на стоянке Костенки-14, на популяционный уровень, можно предполагать, что они могли бы служить маркером среды обитания, более благоприятной, чем среда обитания сунгирского человека, особенности телосложения которого обстоятельно аргументированы, как адаптивные к низким температурам (Хрисанфова 1980, 1984: 100–140). Особенности телосложения человека из Костенок-14 прямо противоположны особенностям человека из Сунгиря, отличающегося брахиморфией, большим ростом, большим условным показателем объема и высоким отношением массы тела к его поверхности.

Современные исследования на стоянке Костенки-14 не дают оснований считать условия проживания сунгирца и маркинца диаметрально противоположными (Синицин и др. 2004). Возможно, эта находка человека на Маркиной горе представляет собой свидетельство раннего проникновения на Русскую равнину представителя популяции, не приспособленной к жизни даже в условиях мегainterстадиала, оказавшихся слишком жестких для него – отдельный случайный эпизод далеких миграций.

Следует не забывать, что моравские находки (Пшедмост IX, III, XIV), для которых было возможно вычислить сравнительные данные, обнаруживают большую изменчивость всех вышеперечисленных характеристик. Обращают на себя внимание означенные характеристики мужского посткраниального скелета из Оберкасселя, которые являются собой противоположный Костенкам-14 вариант, тоже низкорослый, но с очень большим весом и большой плотностью тела. Такая картина заставляет с большой осторожностью относиться к реконструируемым особенностям габитуса единичной находки, как маркеру палеоэкологической ситуации (Герасимова 1982). Наблюдаемые варианты могут трактоваться как адаптивные, так и, в равной мере, свидетельствовать о значительной индивидуальной изменчивости в пределах одной популяции или археологической культуры.

Детский возраст двух находок в Костенках дает возможность изучить их одонтологические характеристики. Надо сказать, что в зубном комплексе признаков гораздо отчетливее, чем на черепе, проступают свидетельства раннего “дорасового” деления человечества по линии “восток-запад” на два древнейших, более или менее нейтральных по отношению к современным расам, внутривидовых таксона. На материалах из Сунгиря было продемонстрировано, что на территории Восточной Европы процесс выделения современных одонтологических типов предшествовал формированию “краниологических рас” (Зубов 1984: 178; 1997: 15).

Н.И. Халдеевой были изучены зубы ребенка из погребения на стоянке Костенки-18, принадлежащей костенковско-авдеевской культуре. Был определен пол ребенка, как мужской, и возраст в интервале до 12 лет. Интересным представляется комплекс архаических особенностей, спецификой которого является сочетание черт “западного” ствола с проявлением отдельных элементов экваториального типа (Халдеева 2005: 95–99; 2006: 171–185). Были изучены также одонтометрические характеристики на черепе Костенки-14, которые показали особое положение этой находки относительно как восточноевропейских, так и западноевропейских верхнепалеолитических находок (см. статью Н.И. Халдеевой в настоящем номере журнала).

Подводя итоги исследованиям прошлых лет, с удивлением отмечаем отсутствие специальных разработок проблем палеолитических погребений, их типологии, генезиса, хронологии, связи с определенными археологическими культурами, смысловом содержании. Между тем, костенковские погребения обнаруживают большое разнообразие погребальной обрядовости и, поскольку все погребения были найдены на поселениях, они должны трактоваться в одном контексте с остатками жилищ, каменного и костяного инвентаря, образцами изобразительного искусства и т.д. Погребения относятся к стоянкам, культуры которых обнаруживают различные сценарии развития. Два погребения (Костенки-2 и Костенки-15) относятся к различным хронологическим

группам одной костенковско-городцовской культуры (Рогачев 1957); погребение Костенки-18 принадлежит костенковско-авдеевской культуре, имеющей определенный временной отрезок.

Культурная атрибуция и хронология слоев важнейшего памятника, давшего нам погребение Костенки-14, до сих пор не ясна и в археологической литературе последних лет не обсуждается. Два индивида из погребений костенковско-городцовской культуры были помещены в сидячем, сильно скорченном положении в специальных погребальных камерах с участием в их устройстве крупных костей мамонта. У взрослого индивида не было ни инвентаря, ни присутствия краски. В детском погребении – присутствие желтой и красной краски и богатый инвентарь. Второе детское погребение (Костенки-18) костенковско-авдеевской культуры, напротив, не сопровождалось ни инвентарем, ни краской. Погребение в Костенках-14 в сильно скорченном положении на боку в узкой могильной яме не имеет аналогов ни на Восточно-Европейской равнине, ни в Западной Европе.

Спектр различных погребальных особенностей можно расширить, если учесть слабую “скорченность” ребенка из погребения Костенки-18, вытянутое на спине положение новорожденного из Костенок-12. Возможно, о каком-то обряде говорит скопление мелких осколков костей скелета человека, среди которых были фрагменты черепа со следами обожженности с внутренней стороны, у западного края южного жилища во втором слое Костенок-8 (Рогачев, Аникович и др. 1982: 108). При анализе погребенных антропологический анализ может подтвердить или опровергнуть некоторые предположения, связанные с их позами и манипуляциями с телами умерших, в частности регистрация присутствия следов дифлешинга.

Не меньшее разнообразие дают нам антропологические характеристики погребенных в Костенках. Безусловно, плохая сохранность трех из четырех черепов и детский возраст двух из них если и не исключает возможности генетических построений, то требуют большой осторожности в интерпретации их особенностей. С другой стороны, именно детский возраст дает возможности для анализа одонтоскопических и одонтоглифических признаков, обладающих значительной информативной ценностью и большими разграничительными способностями. Конец прошлого века отличается активным вовлечением в научный оборот находок неполовозрелых форм, число которых в палеолитических слоях довольно значительно. С территории России может быть составлен хороший возрастной ряд: новорожденный – Костенки-12; 1,5–2 года – Староселье; 5–6 лет – Костенки-15 и Седелькино (Маяк); 9–11 лет – Костенки-18 и Сунгирь-3; 10–12 лет – Сунгирь-2 (Герасимова и др. 2007). Достаточно трудоемким, но перспективным представляется сравнительно-анатомический аспект исследования.

В настоящий момент только скелет из Костенок-14 позволяет сделать вывод, не вызывающий никаких сомнений: на территории Русской равнины в верхнем палеолите, наряду с другими, зафиксирован вариант, отличающийся малым весом, грацильностью телосложения, низкорослостью, небольшими размерами головы и лица, широким сильно выступающим носом и прогнатизмом, микродонтией. Каково его происхождение – неясно. Краниологические характеристики других вариантов достаточно гипотетичны из-за плохой сохранности черепов, а данные о габитусе в литературе вообще отсутствуют.

Так или иначе, перед нами по-прежнему стоит вопрос о генетических взаимоотношениях различных краниологических вариантов, выделенных предшествующими исследователями. Поскольку в настоящее время имеются и концептуальные археологические разработки, и данные по абсолютному возрасту тех культур, откуда у нас имеется палеоантропологический материал, эта проблема приобретает несколько иное наполнение. Следует вспомнить, что именно здесь, на Восточно-Европейской равнине, обнаружены наиболее ранние культурные верхнепалеолитические слои, сопоставляемые со средней частью валдайского мегаинтерстадиала и датированные

36–37 тыс. лет назад. Одним из важнейших выводов многолетних археологических исследований является представление о принципиально различных обликах индустрий наиболее древних стоянок этого региона – архаичном, с мустьерскими традициями и вполне сформировавшемся верхнепалеолитическом. В связи с этим, вновь актуализируется проблема перехода от нижнего палеолита к верхнему, проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в Европе и степени участия в этом процессе неандертальцев.

По М.В. Аниковичу (Аникович 1997: 143–155) архаичные индустрии принадлежат сетловидному пути развития культур. Это костенковско-городцовская культура и костенковско-стрелецкая. К двум хронологическим группам городцовской культуры принадлежат находки из Костенок-2 и 15 (Рогачев 1957). В настоящее время имеются даты для слоев, содержащих погребения: Костенки-2 – 16190 ± 150 (Je-1599), 17300 ± 160 (ГИН-8570); Костенки-15 – 21720 ± 570 (Je-1430), 25700 ± 250 (ГИН-8020). Причем, как полагает М.В. Аникович, есть типологические основания допускать возможность генетических связей городцовской культуры с мустьерскими индустриями Ильской стоянки.

Палеоантропологические материалы из стоянок костенковско-стрелецкой культуры отсутствуют. Однако представляет интерес тот факт, что элементы стрелецкой индустрии прослеживаются на знаменитой стоянке Сунгирь (Долуханов 2008: 36). Истоки костенковско-стрелецкой культуры видятся в мустьерских индустриях Крыма (Долуханов 2008: 37–38). По ориньякоидному пути развития шли культуры, представленные на стоянке Костенки-14 (слои III и IV). Для этого памятника имеются следующие даты: для II слоя – 25600 ± 400 (ГИН-8030), 28200 ± 700 (Je-596), 28580 ± 420 (ОхА-4115); для III слоя – 30080 ± 590 (GrN-21862), 31760 ± 430 (GrN-12598) (Синицин и др. 2004: 42–43). Хотя привязка погребения из Костенок-14 является достаточно спорной, находка эта продолжает оставаться на Восточно-Европейской равнине одной из самых древних и может датироваться в диапазоне не раньше 25 и не позднее 31 тыс. лет назад.

Длительное сосуществование мустьерских памятников с памятниками “переходного типа” и памятниками с верхнепалеолитической индустрией, связываемыми с людьми современного вида, говорит о сосуществовании гоминид, принадлежащих к различным таксонам, и ставит нас перед вопросом о возможностях метисации между ними. Иными словами, перед вопросом о возможном участии европейских неандертальцев в становлении верхнепалеолитического населения Восточной Европы и, в связи с этим, перед вопросом об авторстве индустрий “переходного типа”, достаточно активно обсуждаемым в отечественной археологической и антропологической литературе (Зубов 1994: 28; Аникович 1997: 143–154; Козинцев 1997: 110–114; Медникова 2000: 387–393, 2008; Свендсен и др. 2008: 94–95). Из аргументов антропологического плана, как правило, привлекаются материалы из Сунгирия, где в археологическом облике культуры обнаруживаются стрелецкие элементы, хотя погребения принадлежат человеку современного вида (Сунгирь 1984; Homo sungirensis 2000). Сторонники возможной метисации в морфологии сунгирских находок подчеркивают архаические черты, которые диагностируют, как неандертальские. Возможно, такое представление является издержкой стадийной концепции или определения статуса *H. Neanderthalensis* как подвида *H. Sapiens*. Костенковские находки из слоев архаической городцовской культуры (К-2 и К-15) в этом разрезе не рассматривались никогда. А замечание Г.Ф. Дебеца о такой особенности человека из Костенок-14, как очень сильный наклон суставной поверхности большеберцовой кости, было оставлено последующими исследователями без внимания. Таким образом, вопрос об участии неандертальского населения в формировании верхнепалеолитического населения Восточно-Европейской равнины остается в плоскости теоретических рассуждений.

За прошедшие годы дежурное утверждение о том, что палеоантропологические находки из Костенок “отражают всю сложность проблемы дифференциации и генетических взаимоотношений различных хронологических и территориальных вариантов верхнепалеолитического человечества” (Дебец 1955, 1961; Герасимова 1982, Харитонов и др. 1997: 64) должно наполниться более конкретным содержанием. Абсолютный возраст находок, их более точная культурная атрибуция, разработка генетических истоков и взаимоотношений археологических памятников, откуда происходят палеоантропологические находки, должны способствовать решению вопроса о происхождении этого населения. Сходство находок из Костенок-2 и Костенок-18 из слоев различных археологических культур с западноевропейскими и центрально-европейскими вариантами и различия в антропологическом типе находок из слоев одной культуры (Костенки-2 и 15), специфические особенности индивида из Костенок-14 оставляют вопрос открытым. Видимо, потому, что костенковские находки никогда не служили объектом широкого обсуждения в русле тех трансформаций, которые произошли в развитии археологической и антропологической наук за истекшие пятьдесят лет.

Прежде всего, следует отметить отказ от стадиальной теории и постулата “одного вида”, факт отсутствия жесткой причинно-следственной связи таксономического ранга гоминид с типом каменной индустрии, факт длительного сосуществования различных таксонов рода *Homo* (*H neanderthalensis* и *H sapiens*), достаточно хорошо сохранявших выраженный облик таксонов. Кроме того, развитие методов абсолютного датирования, поиск новых и ревизию “апробированных” диагностических признаков, дифференцирующих таксоны, и, наконец, генетический анализ последовательностей митохондриальной ДНК.

Поступательное развитие палеоантропологии как науки, возникновение палеоэкологического направления в палеоантропологических исследованиях, привлечение новых методик и естественно-научных методов для определения абсолютного возраста находок, их пола и биологического возраста, патологий и травм, позволяет нам на новом витке наших знаний подойти к повторному изучению находок из Костенок. Необходимо: а) одонтологическое и одонтоглифическое исследование находок с точки зрения филогении и современной расовой систематики; б) морфологическое исследование макро- и микроструктуры посткраниальных скелетов из погребений, часть из которых до сих пор находится в монолитах; в) морфологическое исследование скелетов на предмет выявления признаков функциональных комплексов, связанных с рабочей гипертрофией и локомоторно-статическими нагрузками; г) выявление на черепках и скелетах маркеров холодового стресса и алиментарной недостаточности; д) выявление следов болезней и травм; е) сравнительно-анатомическое изучение постнатального онтогенеза; ж) сравнительный генетический анализ последовательностей митохондриальной ДНК.

Литература

- Алексеев 1978 – Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. М., 1978.
- Алексеева 1977 – Алексеева Т.И. Географическая среда и биология человека. М., 1977.
- Алексеева 1984 – Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1984.
- Алексеева 1998 – Алексеева Т.И. Адаптация человека в различных экологических нишах Земли (биологические аспекты). М., 1998.
- Аникович 1997 – Аникович М.В. Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М., 1997. С. 143–155.
- Борисковский 1955 – Борисковский П.И. Раскопки палеолитического жилища и погребения на стоянке Костенки II в 1953 г. // Сов. этнография (далее – СЭ). 1955. № 1. С. 39–42.

- Борисковский, Дмитриева* 1982 – *Борисковский П.И., Дмитриева Т.Н.* Костенки 2 (Стоянка Замятина) // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону (1879–1979). Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.
- Бунак* 1980 – *Бунак В.В.* Род НОМО, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.
- Бунак, Герасимова* 1984 – *Бунак В.В., Герасимова М.М.* Верхнепалеолитический череп Сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Сунгирь: Антропологическое исследование. М., 1984. С. 14–99.
- Васильев* 1997 – *Васильев С.В.* Тригонометрия лицевого скелета ископаемых гоминид // Вестн. антропологии. Вып. 2. М., 1997.
- Васильев* 1997 – *Васильев С.В.* Тригонометрия мозговой коробки ископаемых гоминид // Новые методы – новые подходы в современной антропологии. М., 1997. С. 68–81.
- Васильев и др.* 2006 – *Васильев С.В., Зубов А.А., Герасимова М.М., Боруцкая С.Б., Кожин П.М., Халдеева Н.И.* Доисторический человек. Биологические и социальные аспекты. М., 2006.
- Величко* 1973 – *Величко А.А.* Природный процесс в плейстоцене. М., 1973.
- Величко, Зеликсон* 2006 – *Величко А.А., Зеликсон Э.М.* Перигляциальная среда как ресурсная основа существования позднего мамонта эпохи верхнего палеолита на Восточно-Европейской равнине // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. (Тр. Костенковско-Боршевской экспедиции ИИМК РАН.) Вып. 4. СПб., 2006.
- Величко и др.* 2008 – *Величко А.А., Долуханов П.М., Куренкова Е.И.* Система адаптации: человек – социально-хозяйственная структура – окружающая среда в позднем палеолите, мезолите и неолите Восточной Европы // Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М., 2008. С. 14–32.
- Верещагин, Кузьмина* 1977 – *Верещагин Н.К., Кузьмина И.Е.* Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и Верхней Десне // Тр. ЗИН АН СССР. 1977. Т. 2.
- Герасимов* 1964 – *Герасимов М.М.* Люди каменного века. М., 1964.
- Герасимова* 1982 – *Герасимова М.М.* Палеоантропологические находки // Палеолит Костенковско-Боршевского района... С. 250–255.
- Герасимова* 1997 – *Герасимова М.М.* Посткраниальный скелет новорожденного из погребения на верхнепалеолитической стоянке Костенки 12 (р. Дон) // Вестн. антропологии. Вып. 5. М., 1997. С. 138–144.
- Герасимова* 2005 – *Герасимова М.М.* Пежемский Д.В. Мезолитический человек из Песчаницы. Комплексный антропологический анализ. М., 2005.
- Герасимова* 2006а – *Герасимова М.М.* Костенковские погребения: итоги, проблемы и перспективы изучения спустя пол века // Вестн. антропологии. Вып. 13. М., 2006. С. 13–23.
- Герасимова* 2006б – *Герасимова М.М.* Осевого скелет, плечевой пояс и стопа человека из верхнепалеолитического погребения Костенки 14 (Маркина Гора) на Среднем Дону // Вестн. антропологии. Вып. 13. М., 2006. С. 24–30.
- Герасимова и др.* 2007 – *Герасимова М.М., Астахов С.Н., Величко А.А.* Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания (иллюстрированный каталог палеоантропологических находок в России и на смежных территориях). СПб., 2007.
- Данилкович* 1973 – *Данилкович Н.М.* О прорезывании постоянных зубов у детей // Рост и развитие ребенка. М., 1973.
- Данилкович* 1978 – *Данилкович Н.М.* Прорезывание постоянных зубов у детей монголоидной группы // Вопр. антропологии. Вып. 59. М., 1978.
- Данилова* 1986 – *Данилова Е.И.* Продолжительность детства у неандертальцев // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986. С. 52–56.
- Дебец* 1955 – *Дебец Г.Ф.* Палеоантропологические находки в Костенках // СЭ. 1955. № 1.
- Дебец* 1961 – *Дебец Г.Ф.* Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском логу (Костенки XVIII) // Кр. сообщ. Ин-та археологии. Вып. 82. М., 1961.
- Дерябин* 1998 – *Дерябин Е.В.* О методиках многомерного таксономического анализа в антропологии. Канонический анализ против главных компонент // Вестн. антропологии. Вып. 4. М., 1998. С. 30–67.
- Долуханов* 2008 – *Долуханов П.М.* Эволюция природной среды и раннее расселение человека в Северной Евразии // Путь на Север... С. 33–47.
- Дудин* 2005 – *Дудин А.А.* Современный этап исследований памятников ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Боршевского района на Дону // Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культура, антропология. Воронеж, 2005. С. 50–56.

- Зубов 1984 – Зубов А.А. Морфологическое исследование зубов детей из сунгирского погребения // Сунгирь... С. 162–181.
- Зубов 1994 – Зубов А.А. Дискуссионные вопросы теории антропогенеза // Этнограф. обозрение. 1994. № 6. С. 20–34.
- Зубов 1997 – Зубов А.А. Динамика процесса сапиентации на территории Евразии // Вестн. антропологии. Вып. 3. 1997. С. 7–17.
- Костенки... 2004 – Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004.
- Козинцев 1997 – Козинцев А.А. Переход от неандертальцев к людям современного типа в Европе: эволюция путем полового отбора? // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М., 1997. С. 109–113.
- Медникова 2000 – Медникова М.Б. Морфологическая изменчивость верхнепалеолитического населения: проблемы расселения и адаптации // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. 2000. С. 387–396.
- Медникова 2008 – Медникова М.Б. Новые данные к решению “неандертальской проблемы”: особенности юношеского возраста в сравнительном освещении // Путь на Север... С. 301–309.
- Палеолит... 1982 – Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону (1879–1979). Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.
- Пестряков 1991 – Пестряков А.П. Тенденции хронологической изменчивости тотальных размеров и формы мозгового черепа – показатель единства морфологической эволюции человечества // Расы и расизм. М., 1991.
- Пестряков 1997 – Пестряков А.П. Географическая и хронологическая изменчивость тотальных размеров и формы мозгового черепа на территории СССР // Единство и многообразие человеческого рода (Б-ка российского этнографа). Ч. 2. М., 1997.
- Рогачев 1955 – Рогачев А.Н. Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV (Маркина Гора) // СЭ. 1955. № 1. С. 29–39.
- Рогачев 1957 – Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит СССР / Матер. Ин-та археологии. № 59. М.; Л., 1957. С. 9–134.
- Рогачев и др. 1982 – Рогачев А.Н., Аникович М.В., Дмитриева Т.Н. Костенки 8 (Тельмановская стоянка) // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону... С. 109.
- Рогачев, Беляева 1982 – Рогачев А.Н., Беляева В.И. Костенки 18 (Хвойковская стоянка) // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону... С. 186–189.
- Рогачев, Синицин 1982а – Рогачев А.Н., Синицин А.А. Костенки 14 (Маркина Гора) // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону... С. 156–160.
- Рогачев, Синицин 1982б – Рогачев А.Н., Синицин А.А. Костенки 15 (Городцовская стоянка) // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону... С. 162.
- Свендсен и др. 2008 – Свендсен Й.И., Павлов П., Хегген Х., Мангеруд Я., Хуфтхаммер А.К., Робрукс В. Природные условия плейстоцена и палеолитические стоянки на севере западного склона Уральских гор // Путь на Север... С. 79–97.
- Синицин 1997 – Синицин А.А. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. СПб., 1997. С. 21–67.
- Синицин и др. 2004 – Синицин А.А., Хоффекер Дж.Ф., Синицина Г.В. Костенки 14 // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004. С. 39–59.
- Сунгирь 1984 – Сунгирь. Антропологическое исследование. М., 1984.
- Халдеева 2005 – Халдеева Н.И. Одонтометрические характеристики черепа Костенки 18 (6728) // Поздний палеолит Десны и речного Дона: Хронология, культура, антропология. Воронеж, 2005. С. 95–99.
- Халдеева 2006 – Халдеева Н.И. Результаты одонтологического изучения череп Костенки 18 (6728) // Доисторический человек. Биологические и социальные аспекты. М., 2006. С. 171–183.
- Халдеева 2009 – Халдеева Н.И. Одонтологический и одонтоскопический анализ черепа ребенка из грота Тешик-Таш // Доисторический человек: морфология и проблемы таксономии. М., 2009. С. 127–158.

- Харитонов* 1985 – *Харитонов В.М.* Исследование эволюции индивидуального развития в процессе антропогенеза на палеоантропологическом материале // *Вопр. антропологии.* Вып. 75. 1985.
- Харитонов* 1995 – *Харитонов В.М.* Филогенетическая и онтогенетическая динамика признаков посткраниального скелета гоминид // *Вопр. антропологии.* Вып. 88. 1995. С. 145–183.
- Хрисанфова* 1980 – *Хрисанфова Е.Н.* Скелет верхнепалеолитического человека из Сунгиря // *Вопр. антропологии.* Вып. 64. 1980.
- Хрисанфова* 1984 – *Хрисанфова Е.Н.* Посткраниальный скелет взрослого мужчины Сунгирь 1. Бедренная кость Сунгирь 4 // *Сунгирь...* С. 100–140.
- Якимов* 1957 – *Якимов В.П.* Позднепалеолитический ребенок из погребения на Городцовой стоянке // *Сб. МАЭ.* Т. 17. Л., 1957. С. 515–529.
- Vlček* 1965 – *Vlček E.* Rassendiagnose aurignacienzeitlichen Bestalungen in der Grjtte des Enfas bei Grimaldi // *Anthropol. Auzeiger,* 1965. Bd. 29.
- Homo sungirensis* 2000 – *Homo sungirensis.* Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000.

M.M. Gerasimova. Once Again on Paleoanthropological Findings in Kostenki

Keywords: Upper Paleolith, burial ritual, archaeological cultures, craniology, osteology, odontology, postnatal development, paleosomatology, racial genesis

The article discusses the outcomes of studying paleoanthropological findings which were discovered in the 1950s and which originated from burials at Upper Paleolithic sites of different geological age and cultural origin – those at a unique Middle Don river location by the settlement of Kostenki. The author sums up the results of later research on the issue and outlines problems and prospects for their further exploration in view of theoretical developments in evolutionary anthropology.